

ГЕННАДИЙ КОРШУНОВ

**ОРБИТА
СНОВИДЕНИЙ**

Геннадий Коршунов

Орбита сновидений

<https://litres.ru/74276653>

SelfPub; 2026

Аннотация

Космонавты на орбите видят вещие сны. Об этом знают со времен первых полётов в космос. В наши дни, несколько раз в год, хозяева планеты собираются на огромной орбитальной станции. Они погружаются в коллективный сон, предвидя в своих грёзах будущее. Двадцать лет группа этих избранных определяет пути развития для всего остального человечества. Но в этот раз всё пойдёт не так, как они планировали. О своём праве на управление людьми заявил новый игрок, вынесший приговор старым хозяевам мира. Через четыре часа они погибнут.

Мне нет дела до коллективного будущего или судеб противостоящих сторон: я отправляюсь на обречённую орбитальную станцию, чтобы спасти всего одного человека из тысячи. Теперь от сохранности его жизни - зависит и моя собственная.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Геннадий Коршунов

Орбита сновидений

Глава 1

Все имена, персонажи, названия, местности и сюжет - плод моего художественного вымысла. Любое сходство с реальными событиями и людьми, умершими или ныне живущими - случайность.

Глава 1.

Орбита. 24 минуты до Нулевого Горизонта.

Сход с орбиты и падение на планету космических станций событие не рядовое. За всю современную историю такое происходило считанное количество раз. Им предшествовала многомесячная подготовка, расчет траекторий, коррекции положения, демонтаж оборудования, прощальная пирушка экипажа в последнем жилом отсеке, эвакуация на Землю. И только потом, еще спустя несколько месяцев, ободранный до корпуса, металлическая болванка ярким метеором вонзалась в слои атмосферы, проносилась по небосводу в пламени сгорающей обшивки, распадалась на фрагменты деформированных отсеков и падала в расчётном месте, находя долгожданный покой на океанском дне. Всё строго по графику и под тщательным контролем человека.

У экипажа и пассажиров этой космической станции возможности для эвакуации не было. Вопреки заданной программе, часть коррекционных двигателей включилась на полную мощность, сгорая или взрываясь от непомерной нагрузки. Направленный в сторону планеты ударный импульс их срабатывания сбросил полукилометровое металлическое колесо с устойчивой низкой орбиты. Лопнули обзорные палубы, выбрасывая в околоземное пространство стекло и изломанные людские фигурки. В ворохе обломков расколовшегося фокусирующего зеркала, сорванных с причальных колец челноков, оторванных панелей и антенн, сминаемым листом серебристой фольги, станция вонзилась в атмосферу. К этому моменту более трети людей внутри неё уже погибли от множества полученных травм.

Удар о плотные слои атмосферы окончательно добил неприспособленную к вхождению в них станцию. По лопающимся отсекам хлынуло пламя, сжирая внутри них всё, что могло гореть, и в первую очередь людей. Инерция, гравитация и сила трения сложили свои усилия, разрывая на части горящий металлический ком с вплавленными в него останками пассажиров и экипажа станции, еще минуты назад являвшей собой триумф человеческого разума. Из стратосферы, преодолевая границы озонового слоя, вывалились уже около тысячи разноразмерных пылающих обломков, среди которых уже не было ни одного живого человека. Однако, выживший всё же был.

В отличие от обитателей станции, людям на Земле повезло намного больше, и огненно-стальной дождь не обрушился на их дома и головы. Прочертив рассветный небосвод, обломки посыпались в волны Тихого океана. Один из них заметно выделялся среди прочих. Шестиметровый матово-черный шар был спроектирован своим создателем на несколько порядков надежнее, чем хрупкая орбитальная постройка. И если тысяча двести сорок три человека не имели никаких шансов на спасение в произошедшей катастрофе, то существо внутри шара находилось в полнейшей безопасности. Как и было задумано - оно и стало единственным выжившим.

Глава 2

Республиканская префектура «Север». 22 часа 31 минута до Нулевого Горизонта.

Подбирающаяся к КПП машина не вызывала никаких подозрений. Ведь в её облике не было ничего угрожающего. Скорее, наоборот. Словно фургончик мороженщика, одним своим видом, она заранее располагала к себе. Изогнутый улыбкой бампер, пучеглазые кругляши фар, яркие радостные цвета. Громко шурша по побитому кислотными осадками асфальту маленькими толстыми колесами, и сверкая на майском солнце большим выпуклым лобовым стеклом, облезло-малиновый грузовичок взбирался по пандусу, подбираясь к посту охраны.

Одутловатый Данилыч подслеповато шурился, наблюдая за ним уже десяток секунд. Он лениво и привычно играл сам с собой в вероятности: доберется ли этот, гудящий стареньким электромотором, продукт азиатских технологий до арки КПП? Или, наконец-то, выдохнется, сдастся под тяжестью наполняющего его груза и припадет брюхом к исходящему маревом серому асфальту, привнеся в минуты, оставшиеся до вечернего перекуса, хоть что-то неожиданное?

До появления на обзорном мониторе грузовичка, Данилыч бездумно пялился в соседний, на котором разноцветной каруселью крутилось социальное вещание Обществен-

ного Республиканского Транслятора. Там и сейчас радостно бегали по экрану сияющие счастьем люди, а из динамика лился преисполненный благими рекомендациями голос:

– Хотите купить новый холодильник или стиральную машину и не можете позволить взять для этих целей кредит? Теперь все ваши мечты воплощаются вместе с программой корпорации «Все вместе» - «Прижизненное донорство»! Заключите договор на передачу своих органов в медицинских целях и получите вознаграждение или одобрение кредита на справедливых началах! Ваше тело реализуется вами в дело! Мобильные медицинские комплексы «Все вместе» проведут извлечение на дому, без необходимости предварительной записи и утомительных очередей! Пользуйтесь широким спектром услуг объединенной корпорации «Все вместе» для своего блага и во имя процветания Республики!

Секунды тянулись, скрипели рессоры, всё громче шуршали шины. Под толстой резиной колес хрустели наметенные утренними песчаными вихрями ручейки желтой пыли. Пару раз раздался придушенный скрежет, когда нагруженный сверх меры транспорт проскреб днищем по неровным нашлапкам дорожного полотна.

Не оправдав ожиданий охранника, упорный труженик, одним своим многолетним существованием поддерживающий мифы о восточной целеустремлённости, завершил свой

непростой путь, взгромоздившись на досмотровую площадку у арки пропускного пункта. Данилыч покосился на своего напарника и, даже не найдя в себе желания побурчать, поднялся, направившись к выходу из их сторожевой будки.

Годящийся во внуки Ринатик, приставленный к нему в пару прошлой осенью, колом застыл на низком диванчике. Даже не пошевелился от двухтактного сигнала оповещения, раздавшегося в их коморке, когда в зоне сканера у пандуса появился подъезжающий грузовичок.

Часов, наверное, уже пять так сидит. В который раз, завистливо подумал Данилыч. Форма мята-перемята, под распахнутой форменной рубашкой с пятнами пота - кислотная футболка. Зато на висках примостились звездочки дорожной вирт-гарнитуры с узнаваемым желтым логотипом. До восьми часов без подзарядки длительность непрерывного сеанса, передовые стандарты производительности и качества картинки, а уж о передаче полноты спектра ощущений и говорить нечего. Одним словом - «фирма», достать которую можно было только по блату или у нелегальных фарцовщиков.

Гарнитура Данилыча от родного монополиста была намного скромнее. Жесткий обруч с экономичными комплектующими от восточного соседа, украшенный бело-синим стикером жирафа корпорации «ВсеВместе», - не впечатлял кричащей роскошью. Его старушка, сейчас стоящая на зарядке, потёртая в местах контактов с висками и перемотан-

ная синей изолентой, стягивающей хрупкий пластик, дарила ему всего часовые сеансы вирт приключений, после чего, без предупреждений, просто вырубалась. Причем не могло быть и речи о том, чтобы, как в молодости, с её помощью, зарубиться в многопользовательской игрушке или предаться угару многочасового марафона сорока серийного сериала. Безлимитный трафик простому работяге не по карману, а одобренные Советом Благоденствия цифровые продукты экосистемы корпорации «ВсеВместе» навевали у него откровенное недоумение. Вот и довольствовался Данилыч просмотром социальных вещаний, бездумно спуская месячный тридцатигигабайтный ветеранский лимит на видеонотеллы в разных подписочных смотрилках. К тому же: в таких режимах работы гарнитура почти не нагревалась, и ею можно было пользоваться даже летом.

И всё же он любил её. Хотя что-то - всяко лучше, чем ничего. Он, конечно же, без раздумий променял бы и десяток таких на что-то хоть вполовину похожее на технику, с которой гарцевал Ринатик. Но так уж устроен этот мир: кому-то всё, а кому-то - то, что первым не нужно. Ринатик был из категории тех самых «первых». Сын выборного чина их префектуры, в чьём кругу пошло поветрие пристраивать своих чад на показательно народно-рабочие профессии. Так проще потом было выбиться во что-то более значимое, обзаведясь по ходу народной симпатией. Мол, смотрите: всего добился сам, без протекции властного родителя, начал с самых низов,

простым работягой с двенадцатичасовым рабочим днем.

Данилыч на ходу сплюнул, закрывая за собой дверь в охранную будку. Ага, как же. Приписывая ему чиновничьего сынка, кадровик их центра сразу поставила его перед фактом, что работать теперь придется за двоих, и велела «малышечку рутиной не беспокоить». Так и повелось: часть смены Ринатик висел в вирте, потом, откушав, спал, а проснувшись - снова проваливался в недра цифрового пространства. Благо еще, что их КПП приходился на технические подъезды, а потому работа у Данилыча была не пыльная. Времени хватало и на короткий сеанс вирта, и на послушать в сотый раз аудиокнигу на затертом, но работающем без сбоев плеере-прищепке выпуска начала нулевых годов. Когда техника уходила на зарядку - он тоже не грустил: в миллионный раз пересчитывал кирпичики на стоящей во внутреннем дворе древней башенке, и полюбоваться таким же старым фонтанчиком посреди ядовито-зеленого искусственного газона.

Привычно перекатывая в мыслях тягучие кисельные думы о классовой несправедливости, Данилыч добрал до дверцы облезло-малинового грузовичка, и вяло махнул рукой водителю, только тут сообразив, что, вопреки обыкновению, в кабине он один.

– А где брата потерял? – шутливо начал было охранник, тут же непроизвольно делая полушаг назад. Вторым, что выбивалось из устоявшегося порядка вещей, оказалась синяя полумаска, сегодня скрывающая мясистый нос и куцую бо-

роду водителя. – Что это с тобой, Ильдар? Приболел?

Опасливо спросил Данилыч, застыв в метре от дверцы, и зачем-то пряча руки с планшетом за спину. Волны эпидемий мигрирующих по планете уже давно приучили всех шараться прочь от болезненно выглядящих людей. Что там у нас в этом году? Клещевой центрогрипп? Клоповый энцефаловирус? Или красная чесотка многоножек? Тропический климат, доползший уже до шестидесятых широт, устойчиво заселял города самими разнообразными насекомыми, что приносили с собой нескончаемые вспышки ранее не виданных болезней. И, как подозревал Данилыч, его универсальный блокатор, рождённый в недрах корпорации «ВсеВместе», и ставший привычной частью одежды населения - обеспечить мог лишь моральное превосходство над враждебным вирусом или микробом. Однако, опять же: хоть что-то - всяко лучше, чем ничего.

Синий кусок материи на лице водителя смялся: человек под маской криво усмехнулся.

– Да ничего страшного, – глухо проговорил водитель, махнув левой рукой. На запястье сверкнула стальная полоска браслета часов. – Брат вот гриппом приболел, дома пришлось остаться. Ты же знаешь этих врачей: сразу всю семью внесли в карантинные списки и обязали носить намордники. Вот и приходится таскать, чтобы на штраф не нарваться.

Данилыч понимающе покивал, чувствуя как ослабевает натянувшаяся было вдоль позвоночника струна страха. Да,

дело обычное. У прошедшего через десятки эпидемий населения удалось закрепить рефлекс социальной ответственности только после введения немалых штрафов. Все резко вспоминали об окружающих, когда к кошельку тянулась чужая загибающая рука.

– Хех, недаром же говорят: единственный врач, который уверен, что у тебя всё в порядке, работает в военкомате! – отпустил Данилыч привычную для таких разговоров заготовку, делая шаг к водительской дверце и протягивая внутрь кабины планшетку. Человек в маске издал вежливый смешок, прикладывая к экранчику левую руку с печаткой цифровой подписи на указательном пальце. Вспыхнул зелёный квадрат оповещения: въезд согласован, доступ на территорию разрешён. Контролирующий безопасность объекта Искин поднял желто-красный флагбаум.

На этом ритуальные действия охранника у водительского окошка полагалось закончить. Однако, Данилыч всё также топтался рядом с дверцей, переползая глазами с сероватого лица водителя на его синюю полумаску. Седой охранник ощущал непривычный зуд где-то под макушкой, и никак не мог найти ни причину, ни следствие этих ощущений, лишь каким-то первобытным инстинктом понимая, что нужно предпринять что-то прямо здесь и сейчас.

Задача оказалась непосильной: Данилыч смог лишь глупо улыбнуться, задав два столь же глупых вопроса. «Как там, завтра дождя не обещают?» и «Ты не слышал, картошку в

соцпакет возвращать будут?». Дождя, естественно, не обещали, потому что погода давно стала непредсказуема даже в пределах суток, а картофель уже три года как заменили макаронки. Водитель вежливо прогудел из-под маски, что не в курсе, но надеется на лучшее, и скупой улыбнулся, что угадывалось по перекосившейся ткани.

Покраснев ушами, и ругаясь про себя, Данылыч отклеился от дверцы, скованно помахав рукой. Ему было неловко: «И чего только задерживал парня?» Наверное, тот решил, что старый охранник окончательно оголодал по общению на своём дальнем посту. Какой же приятный этот Ильдар – разговаривал с ним вежливо, и тёмно-зеленые глаза смотрели с заботливой добротой, что особенно было заметно на фоне серой кожи и синей полумаски. И ведь нельзя сказать, что Ильдар сильно ошибся бы, уверившись в нехватке у Данылыча простых житейских разговоров.

Рабочая смена длинная. А обязанности сводятся к выносу из будки планшетки, подносу её немногочисленным водителям въезжающего транспорта и доставке обратно. Данылыч толком не понимал: в чём вообще заключается смысл его работы? Как и её наличие. Ведь не только коммерческие и республиканские, но и все гражданские предприятия уже лет пятнадцать охраняются сетью Искинов «Монолит», которые в свою очередь подчиняются контролирующему префектуру Искину «Обелиск». Зачем же он курсирует с этой планшеткой, когда ничего не стоило установить инфопанель

у шлагбаума. Получается, что ИИ уже давно заменил всех, кого можно и нельзя, чудотворным образом обойдя стороной банкиров, политиков, чинов префектур, служащих Благоденствия и Жандармерии, армейских кадров, рабочих спеццов типа «сантехник» и ... охранников.

Мимо, гудя электродвижкой и скрипя рессорами, прополз облезло-малиновый грузовичок. Вот тяжело гружёная машина припала пузом к какой-то неровности асфальта и, словно прощаясь со старым охранником, издала задушено-скрежещущий звук. И, возможно, именно он вдруг повернул традиционное русло мыслей Данилыча в новом направлении.

Может быть, его работа и существует, чтобы такие как Ринатик и он были приставлены к иллюзии дела. Бездельник, по праву рождения предназначенный властвовать и престарелый ветеран Третьей Колониальной войны, после ранения пристроенный на службу охранником. Если подумать, то Данилыч не встречал в этой нише никаких иных представителей общества. Будто бы кто-то намеренно обеспечивал видимость занятости мажоров и в довесок к ним бывших служивых, создавая стаж для первых и чтобы у последних ...

Данилыч опасливо поежился, и суетливо дернулся, оглядываясь по сторонам, словно опасался увидеть неподалеку служителя Благоденствия, наперевес с нацеленным на его голову сканером мыслей. Никого. Существовал ли такой прибор в реальности - он не знал. Но на всякий случай погнался

прочь ненужные рассуждения и зашагал к двери своей сторожевой будки. Чего это он, в конце концов? Всё же, как всегда. Обыденные события текут своим чередом. Он занят своим шаблонным делом. Привычно носит планшет к одним и тем же проезжающим тут машинам, поднося его уже хорошо знакомым водителям...

У него вдруг перехватило дыхание. Несмотря на майский зной старого охранника прошиб озноб, вымочив стылým потом майку и спину форменной рубашки. Сердце ледяным куском рухнуло куда-то в область таза, ударило в пах острым желанием помочиться и тут же подскочило обратно под ребра, заколотившись о них ритмом припадочного барабаника. Зашатавшись, старик схватился за ручку дверцы будки КПП, и только это помогло ему устоять в завертевшемся волчком мире. Зуд под сводом черепа превратился в острую иглу пронзившую левый висок, а затем отвыкший от критического мышления, сонный обывательский разум Данилыча словно обдуло стылým ветром, оставляющим после себя ясность и свежесть. Забытым движением расправляя плечи, охранник отлепился от ручки, встряхнувшись от спячки псом выворачивая голову и успев увидеть как облезло-малиновый грузовичок ныряет в темный зев ворот складской зоны.

Да. И распорядок дня, и все его действия были совершенно привычными. И проехавшая через КПП машина тоже была хорошо знакома. А вот водитель Ильдар - вовсе не был

тем Ильдаром, которого он видел предыдущие раз двести, когда подносил ему никчёмную планшетку.

Оковы отупляющей сонной повседневности осыпались ржой. Разум Данилыча стремительно набирал обороты, собирая воедино фрагменты увиденного, складывая их в пугающую картину. Совсем как тогда, когда, чтобы выжить требовалось думать быстро, внятно и по-существу. На войне двадцатилетней давности, наградившей его стальной конструкцией в правой руке, ребрах и ноге, тугодумы долго не протягивали, и сейчас бывший сержант штурмовой роты вновь становился самим собой.

У водителя было лицо Ильдара и его голос. Но всё остальное было другим. Ильдар не был левшой, он подносил цифровую печатку к планшету правой рукой. Данилыч ни разу не видел у него часов. И глаза не зеленого тона, а карие. И в них никогда не было такой заботы и доброты, только усталость. Ильдар смотрел на него отрешенно, как на мебель, функцию которой и выполнял охранник. А незнакомец, выдававший себя за водителя, глядел изучающе, даже с поощрением, как будто разглядывал говорящего пса. Серый оттенок кожи, вместо желтовато-смуглого, говорил о том, что на лице незнакомца не грим, а какая-то маска, скорее всего призванная обмануть сканеры лица. Но всё это не самое пугающее.

Грузовик был перегружен сверх всякой меры. Он фактически полз, скребя днищем по дороге. Чего никогда не бы-

вало ранее. Значит, именно провоз какого-то сверхтяжелого груза на охраняемый объект и был главной задачей этого неизвестного. И он почему-то с ней справился.

Дело вовсе не в том, что у человека, выдававшего себя за водителя получилось обдурить недалекого охранника. Данилыч ни разу не тешил себя иллюзией, что его работа имеет хоть какое-то реальное значение. Ведь все функции по обеспечению безопасности выполнял всевидящий Искин «Монолит», о надежности которого знает всякий детсадовец. Ни одного случая взлома или принятия ошибочного решения за всю историю использования. Возведенная в абсолют защита цифрового и реального пространства – именно в этом уверяют население все от их производителя до правительства Республики, с чего постановления и произошло массовое внедрение Искинов во все сферы жизни.

Данилыч ворвался в будку КПП и бросился к блоку наблюдения. Пара кликов вызвала на экран данные о последнем прошедшем контроле объекте. Госномер, приписка, спецификация, идентификация водителя, путевой лист, информация о грузе. Всё подтверждено Искином.

Всматриваясь в последнюю строку о контроле веса, Данилыч мотнул график отчётов на четыре дня назад, когда через КПП проходила эта же машина, но с двумя людьми в кабине: Ильдаром и его братом. На него смотрели те же самые цифры и путевой лист. Данные о взвешивании грузовика датчиками КПП совпали до грамма.

Верхняя губа охранника дрогнула, перекашивая лицо оскалом, по-собачьи обнажая зубы. А ведь этого просто не может быть. Даже если грузовик перевозил тот же задекларированный груз, то должна быть разница примерно в семьдесят пять кило, равнозначная весу второго брата. Сейчас же разница должна быть на несколько порядков больше: без всяких измерительных приборов было видно - как подвеска просела под нагрузкой.

Оскал Данилыча исказил черты еще больше, совершенно увеличивая его сходство с взявшим след дичи охотничьим псом. Невооруженный взгляд старика зафиксировал перевес и фальшивого водителя, хоть и не осмыслил этот факт сразу, а предназначенный для этого цифровой страж говорит, что всё путём. Да нас тут, похоже, держат за круглых дураков. Либо власть имущие, принявшие и продвигающие неисконную хреновину, либо сам кусок кода, бракованный изначально или взломанный преднамеренно. Вот тебе и хваленная «абсолютная защита».

Одним прыжком Данилыч оказался у стены стенда безопасности. Не тратя время на откидывание пластикового колпака, всадил в него кулак, продавливая хлипкую преграду и вбивая в панель большую красную кнопку тревоги. За всё время работы он воспользовался её впервые.

Правая рука, отягощенная стальным каркасом спиц, отозвалась тупой болью, с порезанных костяшек брызнула кровь, на пол осыпался пластик. Другого видимого резуль-

тата действий охранника не обнаружилось.

Из читанной двадцать лет назад памятки, он смутно помнил, что при объявлении тревоги должны блокироваться все подъездные пути, до прибытия каких-то охранных структур. Должна взречь сирена, запуститься какие-то протоколы для сотрудников объекта, а он обязан остаться в камере КПП.

Сейчас же ему в лицо издевательски продолжала смотреть зелёная надпись на инфопанели стенда безопасности: «Объект под защитой. Контрольный периметр безопасен». Управляющий Искин проигнорировал попытки жалкого человека вмешаться в свою работу. Данилыч лишь напрасно порезал костяшки и без того травмированной руки.

– Вот же твари, – выплюнул сквозь зубы старик, отступая от бесполезной панели и вытягивая пластиковый прямоугольник наладонника. Тряхнул рукой, заставляя расцвести прозрачную поверхность желто-черным интерфейсом набора номера. Позвонить кому-то в администрации объекта Данилыч не мог: он еще в первые дни месяца потратил лимит соцпакета на два часа общения, выпивая в режиме видеозвонка со старым боевым товарищем из другой префектуры, но экстренные вызовы доступны даже при заблокированных исходящих.

– Добро пожаловать в центр экстренной помощи. Какова ваша чрезвычайная ситуация?

Красивым голосом жизнерадостно осведомился Искин.

Данилыч скороговоркой выпалил краткую информацию по делу, и даже не удивился полученному ответу:

– По указанному вами адресу никаких происшествий не зафиксировано. Мы уверяем вас в надежности систем безопасности «Монолит». Вынуждены сообщить вам, что на вас составлен протокол об административном нарушении связанном с предоставлением ложной информации. Добровольная явка в ближайший пункт Службы Благоденствия может быть рассмотрена как своевременное раскаяние и служить...

Данилыч безгласно отбросил наладонник в сторону. Уперся взглядом во всё так же висящего в недрах виртуального пространства Ринатика. Быстро приблизился к нему и встряхнул за плечо.

– Ринат! Ринат!

И отшагнул назад, когда кучерявый охранник вскочил, распахивая глаза, а полоска визора гарнитуры свернулась, убравшись Ринату за ухо.

– Ванбада! Ты чего наделал, руина старая!?! Я этих лучабиа неделю удобрял, чтобы ты...

– Ринат, дай наладонник. Нужно позвонить в администрацию – со своего не могу, а у тебя же связь спутниковая, – поморщившись от летящих в лицо крика и слюны, перебил его Данилыч, протягивая руку.

Бам! Бам! Хорошо поставленная «двоячка» обрушила его вправо, виском в ковролин. Старик упал неудачно, вывернув руку и вскрикнув от боли, когда спицы в плече повредили

еще живые нервные волокна.

— Ты чё там пискнул, шабимад? — Напарник навис над ним, радостно скалясь и потрясая в воздухе кистью левой руки. Как и положено поколению его сословия, он дважды в неделю посещал тренажерку, отрабатывая культовые приемы из смешенных единоборств. А сейчас открыто восторгался результативностью своих тренировок, применить которые без ограничений выпало впервые.

— Давай ползи, ниуман, и можешь не возвращаться. Я за тебя наберу. Бате. Так что ты теперь безработный, чхушан!

Если бы это произошло десять минут назад, до проезда грузовичка через КПП, то, вероятно, Данилыч и впрямь уполз бы, оплёванным уличном псом, заливать бессильную злость и зализывать побои. Но за эти минуты с ним произошла удивительная перемена, и теперь на полу лежал не затюканный типовой гражданин, а сбросивший навешенные гири обязанностей прошедший войну ветеран. Молодости и здоровья ему это не прибавило, но иногда правильная внутренняя мотивация может компенсировать многое.

Короткая подсечка, последовавшая за пинком в голеностоп, опрокинула кучерявого рядом с ним, практически лицом к лицу. Затем прямой удар в нос. Данилыч ударил левой, потому что правая ощущалась болтающимся куском плоти, пришитым к телу тонкими нитками. Удар вышел вполсилы, в лучшем случае. Но эффективным.

Сочно хрупнули хрящи, мясистый нос моментально рас-

пух, в сторону брызнули кровь и сопли. Скованный болью и страхом Ринатик замер сжавшись, закрывая лицо и не сводя с него больших круглых глаз. В узких зрачках не было ничего кроме ужаса. Из разинутого рта доносился какой-то невнятный писк.

Вот так оно всегда и бывает. Равнодушно констатировал Данилыч, левой рукой отталкиваясь от ковролина, поджигая под себя ноги и набираясь сил для того, чтобы подняться. Бить тех, кто не может ответить - одно, а когда дают сдачи это совсем иное. Скоро этот крысук опомнится и побегит жаловаться, но Данилычу уже было плевать на все возможные последствия в отношении себя самого. Происходит какая-та хренотень и ему нужно рассказать об этом людям, потому что больше некому.

Утвердившись на ногах, старик пнул носком ботинка прямо в пальцы закрывающие голову лежащего, вызвав у него уже не писк, а утробный всхрюк плача. Не опасаясь более безвольного тела, охранник наклонился, прищулив один глаз, чтобы компенсировать головокружение, и выудил из чужого нагрудного кармана наладонник, положив его на пол. Заломил руку Ринатика, прижав его палец к белоснежному прямоугольнику. Вспыхнувшая голограмма скрыла под собой кровавый отпечаток и Данилыч, морщась от вспышек боли в виске, набрал по памяти номер.

– Вас приветствует автономный диспетчер административного комплекса «Институт изучения мозга человека».

Чем я могу вам помочь?

Опять долбаный кусок кода. Если бы не приступы боли, гуляющие внутри черепа, то Данилыч бы обреченно расхохотался.

– Соедини меня с человеком!

– Я заверяю вас, что способен ответить на любой ваш вопрос. Чем я могу вам помочь?

– Это пост охраны КПП-4, у нас чрезвычайная ситуация: проникновение на тер...

– Я настоятельно рекомендую вам при чрезвычайной ситуации набрать номер центра экстренной помощи. При пожаре...

Данилыч швырнул пластинку чужого коммуникатора в стену.

– Жди ответного гудка, – хрипло выдохнул он, оттолкнулся от стола, и, борясь с качкой пляшущей под ногами земли, вывалился из каморки КПП, раздавив по пути прямоугольник своего наладонника. Тяжёлые ботинки, оставшиеся еще со времен службы, раздробили пластик в десяток осколков, оборвав жизнерадостный бубнёж электронного оператора центра экстренной помощи.

Выставив левую руку в сторону, в попытках перебороть головокружение от явного сотрясения, Данилыч преодолел половину пути до административного здания. Его мутило. Жарко и остро кололо в боку, отдаваясь холодом в колотящееся сердце. Правая нога отзывалась резью в колене при

каждом шаге и норовила подломиться.

Ему нужна пауза. Нужно остановиться перевести дух, иначе он просто умрёт на ходу.

Данилыч понял это так же отчётливо, как и десятью минутами ранее осознал исходящую от грузовика смертельную опасность.

Очень хотелось упасть прямо тут, на полушаге, на этот кислотно-зеленый синтетический газон. Но он столь же ясно понимал, что уже не сможет с него подняться. Да и хватит с него всего этого люющего со всех сторон искусственного дерьма. Если уж доведется сдохнуть от остановки сердца, то пусть это случится у каменного фонтана, чьи камни еще помнят прикосновения тысяч людей, чем посреди засеянного пластиком асфальтового полотна. Уговаривая себя таким способом, он смог проковылять еще десяток шагов и оперся рукой о бортик фонтанчика, давно уже работающего, но на треть заполненного грязной водой, оставшейся от прошедших дождей.

Вцепившись в горячие обветшалые кирпичи, и сейчас нагреваемые косым вечерним солнцем, Данилыч часто-часто задышал, чувствуя, как понемногу притупляется терзающая его резь в груди.

Он сможет. Еще одна минута и он продолжит путь. И пройдет его до конца.

Всего одна минута.

Привалившись бедром к бортику фонтана, он нашарил

висящий на груди верный плеер-прищепку. Сжал липкой от пота ладонью. Дрожащие пальцы скользнули по ребристым граням кнопок. Целёхонек. Верный друг, прошедший с ним студенческие годы, бурную молодость и зачастую выступающий единственной поддержкой на войне, когда месяцы проходили в сырых окопах, а сквозь грохот взрывов в ушах звучала даримая им музыка.

А еще за эту минуту Данилыч успел подумать о очень многом. О своих детях. Морщинистых руках бабушки, цепляясь за которые он шагал в детский сад. Горячей корке свежеиспеченного черного магазинного хлеба, что была слаще конфет. Первом поцелуе с застенчивой Иринкой. Гудящих над головой дронах и свисте падающих мин. И еще о всяком разном. Однако, все его мысли были о прошлом. Столь же ясно он понял почему. Ведь настоящее безразлично, потому что фальшиво от установленных ограничений поделивших людей на всего два сословия: тех, кто устанавливает правила и тех, кто им подчиняется. Что уж говорить о будущем. В настоящем отобрали даже свободу мыслить, потому он и вспоминал о прошлом, когда еще мог наслаждаться каждым днём.

Он вдруг подумал, что очень похож на этот самый фонтан. Когда-то у него плескались дети сотрудников института, а они сами устраивали перекусы и перекуры. Вечерами молодые работники тут признавались в чувствах к коллегам — куда же без служебных романов. Наверняка, даже загадыва-

ли желания, бросая монетки в воду. Много видел и помнит камень, из которого сложен фонтан. А теперь он заброшен, грязен и обнесен зеленым пластиком. И, тем не менее – и фонтан, и сам Данилыч еще жив. И если всё происходящее не выкрутасы разгулявшегося воображения, а угроза реальна, то он должен попытаться предупредить других.

– Спасибо, брат, – сказал Данилыч фонтану, отрывая ладонь от тёплых кирпичей. – Еще свидимся.

Вернуться вышло намного раньше, чем он мог себе представить.

Данилыч сделал всего два шага по кислотно-зеленой пластмассе, года земля вздыбилась, ударив его в ноги и подкидывая над собой. В голову вонзился неистовый рёв, где грохот, треск и звон смешались воедино. Что-то хлестнуло по нему, закрутив в облаке острого пластика и комков асфальта, чтобы через долю мгновения швырнуть через бортик фонтана, прямо навстречу всплеснувшей грязной воде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.